

18+

И. С. Бурикова

А. Л. Катков

**Психологическая безопасность,
эффективности и качество
психотехнологической
деятельности в Российской
Федерации**

А. Л. Катков

**Психологическая безопасность,
эффективности и качество
психотехнологической
деятельности
в Российской Федерации**

«Издательские решения»

Катков А. Л.

Психологическая безопасность, эффективности и качество психотехнологической деятельности в Российской Федерации / А. Л. Катков — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В книге приводится комплексное обоснование Национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг. Анализируются существенные социальные дивиденды вследствие утверждения и реализации планируемых организационных и нормативных новаций. Книга полезна для специалистов психотехнологического, социального и управленческого профиля.

© Катков А. Л.

© Издательские решения

Содержание

Вводная информация	6
Раздел I. Научные достижения и скоординированная внутренняя политика как основа национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период	9
1.1. Актуальный контекст и особенность внутренней политики в условиях Новейшего времени	9
1.2. Научные достижения в сфере индивидуальной и социальной психологической устойчивости, психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности	11
1.2.1. Предметность научного обоснования, учитываемая в целеполагании представляемых проектных документов	11
1.2.2. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике фундаментального уровня	14
1.2.3. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике прикладного уровня	17
1.2.4. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике технологического и инструментального уровня	24
1.2.4.1. Достижения в сфере систематики, классификации, обеспечения безопасности и эффективности психотехнологической деятельности	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Психологическая безопасность, эффективности и качество психотехнологической деятельности в Российской Федерации

**И. С. Бурикова
А. Л. Катков**

© И. С. Бурикова, 2026

© А. Л. Катков, 2026

ISBN 978-5-0071-3349-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вводная информация

Наиболее серьезные угрозы и вызовы Новейшего времени — гибридные, информационные, когнитивные войны, ведущиеся с нарастающей интенсивностью — так или иначе затрагивают все население планеты. В частности и в особенности данные угрозы и вызовы касаются населения Российской Федерации, против которого, в рамках развязанной гибридной войны, действуют «лучшие силы» ментальной агрессии коллективного Запада.

И далее, нет никаких сомнений в том, что психологическая безопасность населения России является важнейшим стратегическим ресурсом, который, в итоге, обеспечивает возможность эффективного противодействия внешним угрозам, но также — форсированного развития гуманитарного, экономического и технологического потенциала страны в условиях агрессивной среды.

В самые последние годы содержательные аспекты и приоритетные акценты в понятии психологической безопасности человека, группы, общества претерпели существенную трансформацию. В традиционных определениях понятия психологической безопасности долгое время доминировал «охранительный» подход: безопасность трактовалась как отсутствие угроз или состояние защищенности.

Современная реальность делает эту модель несостоятельной. Агрессивное воздействие среды стало не эпизодическим фактором, а перманентным фоном существования. В данной связи, в современном мире психологическая безопасность понимается как состояние человека, группы или общества, характеризующееся способностью сохранять целостность идентичности, критическое мышление, функциональность и способность к развитию в условиях перманентного агрессивного воздействия среды (информационного, социального, психологического), достигаемое за счет устойчивости, сформированных внутренних ресурсов и адаптивных стратегий, позволяющих не только противостоять угрозам, но и использовать кризисные ситуации как возможность для укрепления.

То есть, речь идет о качественных характеристиках индивидуального и социального психического здоровья, высокий уровень развития которых обеспечивает максимальную психологическую устойчивость к агрессивному влиянию среды, в то время как низкий уровень развития — является главным фактором риска формирования тяжелых кризисных состояний со всеми, выводимыми отсюда, негативными последствиями для человека и общества в целом.

Масштабные репрезентативные исследования, проводимые в последние десятилетия, демонстрируют тесную взаимозависимость качественных характеристик психического здоровья человека, группы, общества — т. е. сущностными факторами, обеспечивающими психологическую безопасность — с рисками вовлечения в деструктивные социальные эпидемии Новейшего времени (химическая, деструктивная психологическая зависимость; панические реакции в связи с вирулентными вирусными инфекциями; так называемые «политические» эпидемии, связанные с распространением очевидно вредоносной информации и проч.).

Во многих регионах мира, в том числе в Российской Федерации отмечается крайне неблагоприятная тенденция прогрессивного снижения уровней качественных характеристик психического здоровья населения — особенно у представителей восходящего поколения (дети, подростки, молодежь). При том, что в самые последние годы повсеместно фиксируется беспрецедентная динамика возрастания степени агрессивности информационной среды. Соответственно, такими же темпами растет количество лиц с признаками деструктивной психологической, в частности цифровой зависимости.

В частности, о негативных тенденциях в динамике качественных характеристик психического здоровья свидетельствуют следующие статистические данные.

Наряду с общемировыми тенденциями роста психических заболеваний, имеющих преимущественно биологические причины (неблагоприятные генетические процессы в популяции и проч.), практически повсеместно, в том числе и в Российской Федерации, отмечается опережающий рост распространения относительно более легких форм психической патологии — ситуационно обусловленных депрессивных, тревожных, обсессивно-компульсивных, стрессовых, психосоматических расстройств, признаков эмоционального выгорания, хронической усталости и проч.

По данным сборника Росстата «Здравоохранение в России», за период с 2020 по 2024 год первичная заболеваемость психическими расстройствами в целом выросла на 18%. Основной вклад в рост внесли именно расстройства непсихотического характера. Что напрямую влияет на трудоспособность, демографию, качество жизни и экономику.

По данным Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2030 года, с 2010 по 2024 год в России более чем в 5,5 раза выросло число граждан, зависимых от неизвестных психоактивных стимуляторов. Также в четыре раза возросло число лиц, страдающих наркоманией и полинаркоманией, подразумевающей одновременное потребление нескольких видов запрещённых веществ. Ежегодно правоохранительные органы фиксируют около 200 тыс. преступлений, связанных с оборотом наркотиков. В 2024 году от отравления наркотиками погибли почти 8 тыс. человек.

Динамика распространения психологической (компьютерной, цифровой) зависимости в России характеризуется ростом числа людей, признающих у себя симптомы такого состояния, особенно в молодёжной среде. По результатам репрезентативных опросов в 2024 году 47% экономически активных россиян признались, что в той или иной мере зависимы от гаджетов и интернета (для сравнения: тремя годами ранее этот показатель составлял 42%). При этом возрастные различия следующие: чем моложе респонденты, тем чаще они отмечают у себя симптомы зависимости. Например, в 2024 году среди участников опроса моложе 34 лет 59% признали у себя факт в цифровой зависимости. Процесс вовлечения в деструктивную психологическую зависимость всё чаще связывают с глубинными психологическими факторами — низкой осмысленностью жизни, неуверенностью в себе, тревогой.

По результатам масштабных репрезентативных исследований, проведенных в последние годы, есть все основания полагать, что истинной причиной такой негативной динамики является, в целом, низкий, а еще и прогрессивно снижающийся уровень качественных характеристик психического здоровья населения, которые и обеспечивают устойчивость человека, группы, общества к агрессивному воздействию среды (например, расстройство, известное как «эмоциональное выгорание», трактуется авторами Международной Классификации Болезней 10-го пересмотра как «неумение справляться с хроническим рабочим стрессом»).

Вместе с тем, следует отметить сохраняющуюся ориентацию действующих в Российской Федерации медицинских моделей на биологические аспекты расстройств психики и поведения, в то время как психогигиенические (т. е. ориентированные на развитие психологической устойчивости человека, группы, общества к агрессивным воздействиям среды) факторы остаются на периферии внимания профессионального сообщества и социума в целом.

Все высказанное указывает на необходимость оперативной переориентации фокуса внимания действующих социальных институтов (государственных и общественных) на сектор психогигиены и психопрофилактики, задачу форсированного развития качественных характеристик психического здоровья, обеспечивающие психологическую устойчивость человека, группы, общества ко множественным стрессогенным факторам. Такого рода деятельность должна осуществляться с полным пониманием, что именно за счет эффективных консолидированных усилий подготовленных профессиональных групп и создается основной ресурс развития личности и общества в условиях агрессивной среды.

Для политических, культурных и силовых элит страны должно быть предельно ясно, что идентифицируемые уровни качественных характеристик психического здоровья и, соответственно, уровни устойчивости населения Российской Федерации к агрессивному воздействию среды напрямую связано с национальной безопасностью, демографической состоятельностью и конкурентоспособностью страны. И что сохранение (за счет приемлемо-высоких уровней качественных характеристик психического здоровья) внутреннего равновесия, социальной эмпатии и консолидации граждан — является фактором межнациональной сплоченности, культурной преемственности и возможности выполнения приоритетных близлежащих и долгосрочных задач государственного уровня.

Следует иметь ввиду установленный факт того, что бурно развивающаяся сфера психотехнологий в последние десятилетия, и особенно в самые последние годы, имеет преимущественно негативный вектор влияния на качественные характеристики психического здоровья-устойчивости населения. Каких-то внятных перспектив к изменению психотехнологической ситуации в лучшую сторону не просматривается.

В отношении Российской Федерации необходимо принимать во внимание еще и отчетливое вредоносное воздействие масштабных психотехнологических интервенций (специально разработанные технологии «ментально-когнитивного доминирования»). Такого рода акции предпринимаются подготовленными структурами — в рамках развязанной киевским режимом гибридной войны — с целью нанесения максимального ущерба и подрыва мобилизационного сознания населения РФ.

Сочетание вышеприведенных взаимозависимых тенденций следует оценить как реальную угрозу существующему социальному порядку и стабильности в Российской Федерации.

В данной связи, обоснование и разработка стратегических (институциональных) и нормативно-правовых механизмов как наиболее эффективных и постоянно действующих инструментов основных ветвей власти, и социальной самоорганизации в целом, способных развернуть ситуацию в требуемом направлении, — является важнейшей задачей профессионального сообщества, действующих социальных и политических институтов.

Раздел I. Научные достижения и скоординированная внутренняя политика как основа национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг.»

1.1. Актуальный контекст и особенность внутренней политики в условиях Новейшего времени

В настоящем Разделе приведены данные о проработанном научном и политическом контексте, абсолютно необходимом для надлежащего формирования итогового проектного документа Национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг. (далее по тексту — Стратегия).

Современная ситуация настойчиво требует от политических, интеллектуальных, культурных элит России поиск таких ресурсов, которые обеспечивают не только высокие уровни устойчивости населения к агрессивному воздействию среды, но и возможность форсированного развития человека, группы, общества в условиях нарастающего агрессивного давления. Что, в свою очередь, повышает шансы на достижение подлинных прорывов в сфере фундаментальной и прикладной науки, инновационной технологической практике, а в итоге — на выигрыш научно-технического и военного потенциала России в обостряющейся глобальной конкуренции. И понятно, что на самом деле речь идет о стержневой экзистенциальной проблематике, оформляемой в предельно ясной дилемме: «быть или не быть» России, как суверенному независимому государству, на мировой арене в ближайшие десятилетия.

Возможность масштабной актуализации такого рода ресурсов в относительно короткие временные периоды (по заявлениям руководства стран блока НАТО речь идет о 3-х летнем периоде подготовки к полномасштабному конфликту с Россией) должна быть обоснована лидерами научного сообщества, действующими в секторе авангардных наук о психике, а также на стыке социальных, психологических и политических научных направлений.

И далее (при наличии положительной экспертной оценки соответствующих научных достижений) в полной мере должны быть использованы ресурсы властных полномочий и организационные ресурсы внутриполитических ведомств Российской Федерации, действенными инструментами которых является возможность эффективного нормативного регулирования профессиональной и иной социальной активности, направленной на достижение заявляемых целей.

С учетом прописанных в официальных документах целей внутренней политики в Российской Федерации (обеспечение стабильного развития страны, создание условий для повышения качества жизни граждан и поддержание общественного порядка), а также принимая во внимание функциональное предназначение данной важнейшей сферы политической деятельности (разработка и реализация совокупности мер, принимаемых государством для регулирования общественных отношений внутри страны), речь идет о следующих перспективных новациях:

— *в отношении собственно политической функции*: выработка стабильного политического курса, обеспечение государственной и общественной безопасности, поддержание поли-

тической стабильности в условиях агрессивной среды, нарастающего санкционного давления — за счет инновационной концепции государственной политики в сфере психического здоровья, психологической безопасности, обеспечения эффективности и качества психотехнологической деятельности;

— *в отношении правовой функции*: защита прав и свобод личности, обеспечение высоких уровней устойчивости человека, группы, общества к агрессивному воздействию среды; разработка, утверждение и контроль за соблюдением соответствующей Национальной стратегии; формирование интегративной институциональной рамки, объединяющей усилия секторов образования, социальной политики, обороны, цифрового развития, науки и культуры по достижению заявляемых в Стратегии целей;

— *в отношении социальной функции*: обеспечение высокого и постоянно растущего качества жизни населения России, полноценного социального ресурса (здравоохранение, образование, социальная помощь), защищенности и поддержки уязвимых групп населения — за счет мобилизации социального сектора, масштабного внедрения высокоэффективных технологий самопомощи, взаимопомощи, многопрофильной профессиональной помощи;

— *в отношении экономической функции*: стимулирование интенсивного роста экономики страны за счет масштабного внедрения прорывных наукоемких технологий, способных дать требуемый результат даже и при наличии неблагоприятных внешних условий; формирование экономических отношений, способствующих высокой мотивации на эффективный, производительный труд (в том числе в сфере авангардной науки, образования, здравоохранения).

С учетом того, что субъектами внутренней политики Российской Федерации выступают практически все ветви власти, представленные как на федеральном, так и региональном уровнях, можно уверенно констатировать, что в данном случае предполагается полноценное использование ресурса власти как такового (данный важнейший ресурс безусловно должен приниматься во внимание при решении масштабных государственных задач). И далее, можно утверждать, что в случае принятия проектных документов Стратегии, такого рода властный ресурс существенно прибавит по характеристикам дифференцированного целеполагания, гибкости, эффективности и результативности — как в отношении важнейших задач, прописанных в данных документах, так и на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Сущностные вопросы внутренней политики, осуществляемой в сфере психологической безопасности и психотехнологической деятельности, с учетом всего сказанного, следующие:

— в какой степени разработан научный базис, необходимый для формирования представляемых здесь проектных документов — Национальной стратегии «Обеспечение психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации»;

— в какой степени устоявшаяся система организованной профессиональной и социальной активности в рассматриваемых сферах деятельности готова к усвоению и воспроизведению инновационного контента (в случае подготовленности соответствующего научного базиса).

Углубленная проработка и выведение аргументированных ответов по каждой из вышеприведенных позиций, собственно, и будет решающим аргументом в пользу продвижения предлагаемых проектных документов Стратегии. Но также, должная проработка поставленных вопросов является наиболее эффективной профилактикой рисков: 1) «мимо-попадания, мимо-делания» в рассматриваемых сферах деятельности, обусловленного слабостью научного базиса; 2) сопротивления и саботажа со стороны неподготовленного и немотивированного профессионального сообщества; 3) низкой активности и формального отношения к функциональной предметности эффективного управления в рассматриваемой сфере деятельности — со стороны неподготовленных и немотивированных властных структур федерального и регионального уровней.

1.2. Научные достижения в сфере индивидуальной и социальной психологической устойчивости, психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности

Процесс обоснования степени надежности научных аргументов, предназначенных для разработки представляемых проектов важнейших государственных документов, безусловно должен включать анализ, как прагматического, так и фундаментального базиса авангардного сектора наук о психике. Такой подход в нашем случае совершенно необходим, поскольку именно в эпистемологической слабости и неразработанности фундаментальных основ, специфических для сектора наук о психике, и кроются причины «мимо-попадания, мимо-делания» фронта психотехнологий, предназначенных для обеспечения индивидуального и социального психического здоровья — устойчивости к агрессивному воздействию среды. И далее, общее поле приводимых научных аргументов, так или иначе, должно выстраиваться вокруг понятной предметности, отражаемой в целеполагании представляемых проектных документов: Национальной стратегии по обеспечению высоких уровней психического здоровья и психологической безопасности населения, эффективности и качества психотехнологической деятельности в Российской Федерации на период 2026—2030 гг.».

Следующей важной позицией — в отношении комплекса научных аргументов в пользу предлагаемых проектных новаций является выведение данного комплекса на основе универсального алгоритма генерации наукоемкого, инновационного продукта с возможностью масштабного внедрения и отслеживания эффективности его использования. Именно такой алгоритм был разработан и апробирован в ходе реализации двух Базисных научно-технических программ: «Разработка Общей теории психотерапии (реализована в период 2001—2020 гг.); «Комплексный анализ традиционных и современных психотехнологий» (реализована в период с 2020 по 2023 годы). Соответственно, полный генеративный цикл включает следующие этапы: проблематизация (*выводится на основании углубленного эпистемологического анализа собственно научной проблематики и актуального социального запроса*) — концептуализация — теоретизация — технологизация — инструментализация — институционализация (*формирование базовых институций и групп специалистов*) — трансляция (*подготовка специалистов-практиков*) — реализация (*масштабное внедрение*) — трансформация (*планируемая динамика изменений в сфере использования соответствующей технологии*) — мониторинг результатов — оперативная коррекция цикла на основании полученных результатов.

В частности, в ходе реализации тематических Базисных НИП было убедительно показано, что следование данному алгоритму эффективно профилирует воспроизведение главного фактора, обуславливающего в целом низкую эффективность противодействующих усилий в рассматриваемой сфере деятельности (данный фактор мы обозначили как «мимо-попадание, мимо-делание»).

1.2.1. Предметность научного обоснования, учитываемая в целеполагании представляемых проектных документов

Основополагающую предметность общего поля научных аргументов, предъявляемых в качестве доказательной информационной базы проектов Стратегии и Кодекса, в нашем случае представляют следующие проработанные и всесторонне обоснованные теоретико-методологические построения: концепция деструктивных социальных эпидемий (А. Л. Катков, 2012); концепция деструктивных политических эпидемий (А. И. Юрьев, 2013, А. И. Юрьев, А. А.

Кострикина, 2015); концепция оборонного сознания (А. В. Павлов и А. Е. Сапегин, 1990; А. Г. Рекадзе, 1990; Н. В. Роткин, 2022; И. А. Федосеева, 2024; И. С. Бурикова 2025).

Деструктивные социальные эпидемии (ДСЭ)

Согласно А. Л. Каткову — под деструктивными социальными эпидемиями (ДСЭ) понимается общее обозначение кризисных социальных явлений, специфика, масштабы и темпы распространения которых, а также приносимые ими негативные последствия, представляют прямую угрозу человеку, обществу и существующему социальному порядку.

Для всех типов ДСЭ характерны следующие общие признаки: они обнаруживают тенденцию к неконтролируемому распространению, к прямой и косвенной взаимозависимости; затрагивают существенную часть общества (по нашим данным — до 25% населения, притом что здесь не учитываются данные об охвате населения эпидемией паники в связи с распространением COVID-19); традиционные способы противодействия, выстраиваемые по устоявшимся моделям борьбы с биологическими эпидемиями, малоэффективны или неэффективны вовсе.

В соответствии с данными репрезентативных исследований последних лет, можно уверенно утверждать, что в эпоху Новейшего времени повсеместно, в том числе и среди населения РФ, наиболее быстрыми темпами распространялись следующие типы ДСЭ:

— расстройства адаптации во всем их многообразии, в том числе обозначаемые как «психологические проблемы»;

— химическая зависимость — алкоголизм, наркомании, токсикомании, лекарственная зависимость;

— деструктивная психологическая зависимость — игромания, компьютерная зависимость (часто употребляемые синонимы: киберзависимость, технологическая зависимость), вовлечение в религиозно-экстремистские и иные тоталитарные секты;

— панические информационные пандемии, включая последний по времени коронавирусный эксцесс.

И далее, можно уверенно говорить и о том, что требуемый уровень соответствия масштаба и эффективности усилий, противодействующих процессу распространения ДСЭ (всего выделяют четыре таких уровня), ни в одном регионе мира или государстве достигнут так и не был. И что используемые в данном случае стратегии противодействия носят реактивный (реакция на последствия), а не проактивный (опережающие действия) вектор активности.

Деструктивные политические эпидемии (ДПЭ)

Согласно определению А. И. Юрьева, деструктивные политические эпидемии — это сбой в системе политического поведения человека, распространяющийся, как вирус, на большие массы людей. Сбой означает, что один или несколько параметров системы, регулирующей политическое поведение, выходит за рамки его конструктивной нормы. Это означает, что политическое поведение человека перестает регулироваться рациональной логикой, его мышлением и сознанием (становится криминальным, революционным, мятежным, сокрушающим и убивающим все вокруг без объяснимых причин и поводов).

Существенным моментом здесь является следующая рекомендация: чтобы разгадать «генетический код» того или иного политического вируса, надо постоянно следить за информацией из «лабораторий», в которых они создаются. В этом случае появляется шанс на эффективные упреждающие действия.

Классический пример последней по времени деструктивной политической эпидемии и крайне негативных итогов распространения данной ДПЭ следующий: разгон и укоренение информационного вируса того, что «Россия обязательно нападет на Европу», в сознание поли-

тической элиты и основной части населения Европы, а также — Северной Америки. Именно на этой базе была создана и постоянно расширяется коалиция спонсоров войны, а также военного, технологического и финансового потенциала нелегитимного киевского режима. Локальный конфликт с этим режимом, таким образом, был переведен в масштаб прокси-войны России с Европейской коалицией и НАТО.

Признаков активного использования какой-либо упреждающей информационной стратегии со стороны РФ в данном случае замечено не было. В то же время, предпринимаемые «после-действия» какого-либо существенного эффекта — по имеющейся на сегодняшний день информации из открытых источников — не принесли.

Феномен оборонного сознания (ФОС)

Термин «оборонное сознание» был введен в научный оборот в конце прошлого века. В публикации А. В. Павлова и А. Е. Сапегина «Новое политическое мышление и оборонное сознание» (1990) феномен оборонного сознания понимается как особое состояние человека и общества, для которого характерна совокупность распространенных в обществе идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств, которые отражают вопросы обеспечения защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешней и внутренней агрессии.

Ключевые характеристики оборонного сознания, согласно процитированным авторам, включают в себя структурные компоненты (оборонная идеология и оборонная психология), а также определенные формы, векторы направленности и состояния:

— *оборонная идеология* — систематизированное отражение оборонного бытия в виде идей, концепций, стратегий, доктрин, теорий. Формируется под влиянием накопленных знаний, исторического опыта, линии политического и военного руководства;

— *оборонная психология* — совокупность социальных чувств, эмоций, настроений, переживаний, обычаев, традиций, характерных для данного общества в части отношения к вопросам национальной обороны;

— *формы оборонного сознания* — военно-политическое, военно-правовое, оборонная мораль, религиозные основания защиты Отечества, военно-философское, военно-научное, оборонно-художественное;

— *векторы направленности* — агрессивное, оборонительное, пацифистское, пораженческое;

— *фазовые состояния* — сознание мирного времени, сознание военного времени, пограничное сознание.

В более поздних тематических публикациях обращается внимание на аспекты феномена оборонного сознания, которыми можно и нужно управлять. Так, по мнению А. Г. Рекадзе (1990) к факторам, бесспорно усиливающим функциональную активность и глубину оборонного сознания среди населения, относится стержневая идея (политическая, нравственная, эвристическая). И далее необходимо, чтобы оборонное сознание стало доминирующим фактором общественного сознания. В самые последние годы обращается внимание на мобилизирующее влияние военно-политического сознания общества в условиях стратегической нестабильности, интенсивной информатизации, технологизации войны, острейших социальных противоречий и кризисов, глобальных проблем (Н. В. Роткин, 2022). Особенно остро стоит вопрос формирования оборонного сознания у нынешней молодежи в связи с тем, что именно на восходящее поколение обрушивается огромный поток информации, зачастую ложной, противоречивой, провокационного характера (И. А. Федосеева, 2024).

Всесторонне обосновывается главный тематический вывод: обеспечение национального суверенитета России требует проведения системной и проактивной политики по развитию оборонного сознания за счет интенсификации процессов патриотического воспитания, повыше-

ния вовлеченности граждан в механизмы государственного управления, активизации борьбы с инфантильностью и нигилизмом молодого поколения, а также формирования эффективного защитного и мобилизационного механизмов в отношении внешнего деструктивного воздействия. Оборонное сознание формирует необходимый внутренний ресурс общества в целом и его граждан в частности, позволяющий противостоять негативному информационно-психологическому влиянию (И. С. Бурикова 2025).

Обозначенные в данном подразделе, ключевые предметные позиции — ДСЭ, ДПЭ, ФОС, — являющиеся фокусом институциональной (Стратегия) и нормативно правовой (Кодекс) активности, безусловно должны дополняться инвентаризацией и углубленным анализом инновационных достижений в секторе наук о психике и собственно психотехнологической сфере деятельности. Без чего невозможно определить и, соответственно, устранить первопричину низкой эффективности традиционно используемых технологий противодействия процессу вовлечения населения в деструктивные социальные эпидемии всех типов. И далее — мы должны отчетливо понимать, за счет каких именно научных достижений и технологических инноваций возможно форсированное развитие высоких уровней оборонного сознания среди дифференцированных групп населения Российской Федерации.

1.2.2. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике фундаментального уровня (базисные концепции и теории)

Одним из важнейших достижений в сфере преодоления эпистемологического дефицита в секторе наук о психике связано с разработкой методологии эпистемологического анализа применительно к специфике предметной сферы психического (А. Л. Катков, 2016, 2023). Использование модифицированной версии эпистемологического анализа, в итоге, позволило продвинуться в следующих важнейших направлениях: идентифицировать основополагающий концептуальный дефицит и слабость методологического оформления фундаментальных и прикладных исследований, проводимых в секторе наук о психике; выявить наиболее адекватные способы преодоления несостоятельности эпистемологического и собственно теоретического базиса в данном секторе, и проиллюстрировать высокую степень эвристики данных способов на примере реализации Базисных научно-исследовательских программ соответствующего профиля.

Идентифицированная структура системного кризиса в секторе наук о психике, выведенная по результатам углубленного эпистемологического анализа, представлена в следующих тезисах:

- очевидная слабость и эвристическая несостоятельность собственно эпистемологического базиса общего корпуса науки и, особенно, сектора наук о психике;
- приоритет диссоциированной — адекватной только лишь в отношении сектора естественно-научных дисциплин — эпистемологической платформы с искаженными эпистемологическими установками и ограничениями предметной сферы психического;
- выводимая отсюда ограниченность принципов принадлежности к кодифицированной системе научных знаний (согласно сформированным приоритетам существенно более высокую научную ценность имеют знания естественно-научного ареала);
- продолжающееся некритическое заимствование, в целом, неадекватных для исследования категории психического методологических установок из сектора естественно-научных дисциплин (данный методологический подход специализирован исключительно на исследовании «объектных» характеристик стандартно формируемого плана реальности);

— непроработанность, в силу всего сказанного, гипотетического кластера сущностных характеристик категории психического, являющегося обязательной стартовой позицией для формирования соответствующих Базисных научно-исследовательских программ;

— отсутствие функционально обоснованной классификации наук о психике, разработанной в соответствии с обновленным пониманием предметной сферы психического;

— итоговая слабость институционального базиса сектора наук о психике (включая структуру, технологии, подготовленные кадры, необходимые для проведения полноценных фундаментальных и прикладных исследований, и масштабного внедрения полученных таким образом инновационных технологий в практику).

По всем вышеприведенным позициям в последние годы был достигнут существенный прогресс. В частности была выведена обновленная система фундаментальных допущений, которая кардинальным образом отличаются от своих «предшественниц», является методологическим стержнем Ассоциированной эпистемологической платформы и подлинной информационной матрицей для сектора наук о психике (А. Л. Катков, 2013; 2022).

Ключевые характеристики ассоциированной эпистемологической платформы, адекватной для профиля авангардной науки и сектора наук о психике, формулируются на основе следующих фундаментальных допущений:

— объектно-закономерные характеристики актуальных планов реальности зависят от параметров фиксируемого импульса темпоральной активности сознания (ФИТАС);

— существуют принципиальные подходы и механизмы надежной идентификации «непроявленного» полюса реальности в условиях пластичных значений параметров ФИТАС, и легализации данного полюса реальности в обновлённой системе научного знания;

— с формированием ассоциированной эпистемологической платформы возможно снятие неадекватных ограничений предметной сферы в секторе наук о психике и в общем корпусе науки, восстановление ресурсной целостности человека с перспективой существенного расширения горизонтов его бытия.

На основе инновационной эпистемологической платформы был сформирован кластер рабочих гипотез по всем дифференцируемым уровням эпистемологического каркаса наук о психике. И далее, с учетом проработанной к этому времени методологической специфики научных исследований в сфере фундаментальных и прикладных проблем психического, были разработаны и реализованы три масштабных исследовательских проекта (Базисных НИП). Функциональное содержание и результаты реализации этих проектов позволяют говорить о существенном продвижении в отношении генерации важнейших прикладных теорий и концепций в секторе наук о психике, и создании на данной основе высокоэффективных, наукоемких психотехнологий, с возможностью их масштабного внедрения в информационном пространстве и социальном секторе страны. Что, собственно, и требуется для обоснования инновационной стратегии эффективного противодействия процессу распространения ДСЭ всех типов.

В частности — и это главный результат фундаментального уровня научных достижений последних лет — были разработаны эпистемологические основы функциональная теория психического с акцентом на идентифицированный феномен темпоральной пластики. Последний аспект в данном случае особенно важен, так как именно за счет актуализации феномена психопластичности — в ходе процесса оказания психотерапевтической, консультативной либо иной помогающей или развивающей психотехнологической помощи — и обеспечивается достижение существенных конструктивных и устойчивых терапевтических изменений, достигаемых за ограниченный период времени. А это и есть наиболее востребованный результат помогающей и развивающей психотехнологической практики.

Основные положения разработанной функциональной теории психического следующие. Ключевой тезис, обоснованный соответствующими эпистемологическими конструкциями, сводится к тому, что стержневая функция психики — генеративная. При этом, в синхрон-

ном режиме генерируются следующие базисные феномены — компоненты «объемной» (т. е. способной вмещать множество темпорально-пластичных актуальных планов) реальности:

- феномен сознания — диссоциирующие импульсы ФИТАС;
- феномен «объективного» времени и пространства;
- дифференцированные статусы и полюсы реальности, формирующие сложную конструкцию объемной реальности;
- феномен информации — как основной «продукт» деятельности психики;
- феномен пластичности, в том числе пластичных категорий времени, пространства, рефлексивных характеристик субъекта — как возможность сверхэффективного, моментального взаимодействия и трансформации статусов и полюсов объемной реальности.

Выведение генеративной функции психического дает основания полагать, что сам по себе феномен психического участвует в сложнейшем информационном кругообороте, обеспечивающем развитие общего поля объемной реальности. Отсюда же следует, что психика в самом первом приближении есть инструмент генерации и форматирования категорий времени и пространства. И что именно психика формирует информационный, главный для всего живого уровень реальности. Но еще более интересными в данном контексте представляются возможности управления процессом темпоральной пластики и, соответственно, гибкими пространственными форматами генерируемой субъективной и «объективной» реальности.

Фундаментальная эвристика представленных ключевых позиций функциональной теории психического была продемонстрирована в отношении конструктивной эволюции идеи панпсихизма и доработки обсуждаемых в последние годы концептов панпсихизма (С. Райт, 1975; Т. Нагель 1979; Г. Строссон, 2006; Д. Чалмерс, 2015; Д. Тонони, 2015) — до уровня приоритетной эпистемологической базы авангардного фронта науки. В частности, была показана возможность получения строгих доказательств в отношении главного тезиса панпсихизма, выстроенного в духе того, что «все наши представления и знания о реальности, так или иначе, выводятся из активности психического, а психика, таким образом, является неотъемлемым атрибутом реальности». Был обоснован факт действенного, а не инертного — т. е. выводимого за скобки без какого-либо ущерба для стандартно формируемой панорамы «объективной» реальности — присутствия психического в любых конструкциях-формулах репрезентации реальности.

И далее, эвристический потенциал разработанных, таким образом, эпистемологических конструкций был продемонстрирован на примере выводимых отсюда концептов: альтернативной (темпоральной) математики; Новой Философии с возможностью конструирования принципиально новых объяснительных моделей реальности; Новой Этики — как реализации предсказаний блистательных ученых-философов Иммануила Канта и Иоганна Готлиба Фихте о грядущем формировании новых наук — Философии и Этики; идея ТИСА-мира, как обновленного «большого» параметра социального порядка (*tempoality* — темпоральность; *integrality* — целостность; *comprehensibility* — постижимость; *assurance* — уверенность). То есть речь, так или иначе, идет о фундаментальных идеомах, способствующих формированию устойчивого ресурсного состояния и конструктивного развития современного общества в непростых условиях Новейшего Времени (А. Л. Катков, 2026).

Далее, на основании углубленного эпистемологического анализа массива всех имеющихся данных была разработана классификация наук о психике, которая, во-первых, была выстроена по принципам, предложенным Джоном Стюартом Миллем (то есть сама по себе представляла масштабный исследовательский проект, в ходе чего предметная сфера наук о психике была существенным образом модифицирована); во-вторых — настоящая классификация была систематизирована по осям основной, имеющейся в данном секторе эпистемологической проблеме параллелизмов; а в третьих — здесь, по примеру нашего гениального соотечественника Дмитрия Ивановича Менделеева, была использована возможность выведения новых «элементов», т. е. новых научных направлений с наиболее перспективными инно-

вационными аспектами предметной сферы, выводимыми из эвристичного потенциала модели объемной реальности.

Данная классификация, помимо прочего, демонстрирует беспрецедентный донорский потенциал авангардных наук о психике по отношению к корпусу науки в целом. Таким образом, вопрос об оформлении сектора наук о психике и выведения этого сектора теперь уже в авангардный фронт общего поля науки был сдвинут с «мертвой», абсолютно неприемлемой для рассматриваемой области знаний точки (А. Л. Катков, 2022).

1.2.3. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике прикладного уровня

Ведущие социологи мира отмечают тревожную трансформацию социального пространства, понимаемого как информационная реальность, оказывающая мощное воздействие на состояние духа современников. В этих условиях, в первую очередь, обращается внимание на статус ресурсных идиом (Серж Московичи, 2011), обеспечивающих и координирующих адаптивную активность человека во все эпохи цивилизационного становления, и особенно в эпоху «шатающегося мира» Новейшего времени.

Так, например, даже и по номинации акронимов, широко употребляемых для обозначения «концентрированных» характеристик социальной динамики, можно уловить отчетливую тенденцию к нарастанию степени агрессивности среды, при сохраняющейся уязвимости и очевидном несоответствии традиционных параметров социального порядка главным вызовам эпохи:

— VUCA — мир (1985), *изменчивый, неопределённый, сложный и двусмысленный*. Сторонники данной модели предлагают принять такую «многополярную» реальность и всемерно приспособляться к тому, что модусы бытия могут быстро и непредсказуемо меняться;

— BANI —мира (2016), *хрупкий, тревожный, нелинейный, непостижимый*.

По мнению автора данного акронима, известного японского ученого, социального футуролога Джамииаса Кашио: *хрупкость* заключается в том, что любая выстроенная система способна довольно быстро сломаться (так, пандемия COVID-19 обрушила многие отрасли); *тревожность* вызвана тотальными изменениями и часто невозможностью на них повлиять; *нелинейность* проявляется тем, что нам не очевидно, к каким последствиям приведут те или иные действия (например — изменение климата вследствие нерегулируемого технологического прогресса); *непостижимость* — следствие переизбытка поступающей информации. Джамииас Кашио обосновывает позицию того, что мы имеем дело с «многомерным пространством все более сгущающегося хаоса», выживание и развитие в котором требуют абсолютно новых подходов и технологий. И следовательно — продуманного и энергичного обновления параметров социального порядка, основанного на так называемом «трансцендуальном мышлении»;

— SHIVA — мир (2022), *расщепленный, беспощадный, ужасный, воспроизводящийся*. Один из признаков такого, крайне неблагоприятного перехода — обилие «черных лебедей» (термин Нассима Талеба) — непрогнозируемых событий, которые вызывают значительные, как правило негативные последствия;

— TACI — мир (2023), *турбулентный, случайный, хаотичный, враждебный*. Данный акроним выступает в качестве «сборной команды» все прочих социальных концентраторов, и дополняет тревожную футурологическую повестку переживаемого нами времени.

Что же касается интересующего нас аспекта целеполагания противодействующих усилий, рекомендуемых авторами вышеприведенных акронимов, то практически в каждой версии речь идет о необходимости энергичного и последовательного продвижения человека, группы, общества: от состояния выраженной деморализации — к устойчивому ресурсному состоянию;

от полярных экзистенциальных характеристик неопределенности, отчаяния, безнадежности, неверия — к противоположному экзистенциальному полюсу ясности (определенности), чаяниям, состояниям надежды и веры. Что, безусловно, повышает шансы на генерацию инновационной системы ресурсо-ориентированных, социальных идиом Новейшего времени.

Конкретные шаги в отношении продвижения в заданном направлении — концепты и технологии, — предложенные разнопрофильными специалистами в последние годы, и заслуживающие внимания в силу предъявляемой авторами аргументации, были следующими.

Нассим Николас Талеб, известный в первую очередь как писатель-эссеист, но также доктор философии и управления, сформулировал концепцию антихрупкости (в 2012 году была издана одноименная монография), в рамках которой обосновывается понятный тезис того, что в современном мире «под силу выжить антихрупкому и только ему одному». Особенно интересен предложенный Талебом рецепт приобретения качества антихрупкости в виде следования принципу «фундаментальной асимметрии». Согласно данному принципу, дивиденды, получаемые от главных «кошмаров» Новейшего времени — переменчивости, случайности, ошибок, неопределенности, стрессоров и вообще переживаемого непростого времени, — у антихрупкого субъекта заведомо превышают несомые им, неизбежные потери. И далее, предлагается двухуровневая «стратегия штанги», которая сочетает две крайности — одну безопасную, другую рискованную. В метафорическом смысле, это как метод проб и ошибок при нормальной ходьбе — человек одной ногой всегда опирается на устойчивое основание, а другой ногой делает шаг вперед в поисках такого же, или лучшего основания. И ничего страшного, если наш исследователь реальности попробует «наступить не туда» — он просто вернет «тестовую ногу» на прежнее место и будет пробовать другой, более удачный вариант. Подобный вариант приобретения динамической устойчивости в шатающемся мире, в более строгом смысле, можно обозначить как ситуационно-стратегический способ адаптации и развития. Здесь важно, чтобы осмысленные и усвоенные стратегии устойчивого развития стали достоянием конкретного человека, группы, общества, осуществляющих свой жизненный путь в непростых условиях Новейшего времени.

Более дифференцированные и ориентированные на специалистов ментального профиля, концепты обретения индивидуальной и социальной устойчивости разрабатывались с конца 80-х годов прошлого века. американскими психологами Сьюзен Кобейса и Сальватором Мадди в это время было разработано и обосновано понятие «жизнестойкость» (концепция, которая сочетает теоретические основы экзистенциальной психологии и практическую область психологии стресса и совладания с ним). В функциональном смысле, жизнестойкость рассматривается авторами как компонент системы, которая снижает стрессовые эффекты, связанные с трудными обстоятельствами. В основе данной системы лежат три ключевых компонента:

- приверженность — способность оставаться вовлечённым в свою деятельность и сохранять интерес к жизни, несмотря на трудности;
- контроль — уверенность в том, что человек может влиять на события в своей жизни;
- вызов — восприятие изменений не как угрозы стабильности, а как возможностей для роста и развития.

Из последних по времени, в большей степени практико-ориентированных публикаций по теме концепта жизнестойкости, следует отметить одноименную монографию Линды Грэм (2018), клинического психолога, психотерапевта, специалиста экспертного уровня в рассматриваемой проблематике. В своей работе Л. Грэм «раскладывает» общее понятие жизнестойкости на важнейшие функциональные компоненты — интеллекты (соматический, эмоциональный, реляционный, рефлексивный). И далее, описывает последовательный набор проработанных психотехнологий, направленных на развитие соответствующих интеллектуальных функций, в итоге складывающихся в общий «узор» качества индивидуальной жизнестойкости. Достоинством публикации в целом и описанных психотехнологий в частности — явля-

ется доступность излагаемого материала и воспроизводимость рекомендованных алгоритмов в режиме самопомощи, либо при минимальной консультативной поддержке.

То же самое можно сказать и о публикации Михаэля Ненана, доктора философии, клинического психолога и когнитивно-поведенческого психотерапевта «Жизнестойкость. Как развивать и укрепить» (2024). В монографии автор достаточно подробно описывает опыт психотерапевтической работы по развитию сильных сторон личности, формирующих качество жизнестойкости. В частности, обращается внимание на такие свойства как: высокая фрустрационная устойчивость; самопринятие; юмор; способность видеть и сохранять перспективу; эмоциональный контроль; организация и принятие поддержки со стороны окружающих; любопытство; навыки конструктивного решения проблем; наличие поглощающих увлечений; поиск несущих смыслов; адаптивность; умение радоваться достижениям и идти дальше. Все эти свойства-навыки — по мысли автора — можно и нужно целенаправленно развивать и закреплять. Что, в итоге, закономерно повышает уровень жизнестойкости заинтересованного субъекта.

В Российской Федерации проблематикой жизнестойкости целенаправленно занимался доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского Государственного Университета им. Ломоносова, заведующий лабораторией позитивной психологии и качества жизни Высшей Школы Экономики Дмитрий Алексеевич Леонтьев. Так, в 2011 году Д. А. Леонтьевым и его сотрудниками была опубликована фундаментальная коллективная монография «Личностный потенциал: структура и диагностика», в которой обосновывалась закономерность использования данного понятия — с позиции агрегации и систематики личностных свойств и процессов, обеспечивающих устойчивость субъекта к внешним стрессорам. Личностный потенциал определялся авторами как структурное образование, соотносимое с специфическими функциями саморегуляции, проявляющимися в различных ситуациях: достижения, неопределенности, угрозы и других. При этом, в ситуации фокусирования на достижения актуализируются такие интегральные функции самоорганизации как самоопределение и реализация. В ситуации нежелательного давления извне актуализируется функция сохранения. Обосновывалось существенное значение в интегрированной структуре личностного потенциала таких компонентов как: собственно жизнестойкость; личностная автономия; самоэффективность; адекватные копинг-стратегии; толерантность к неопределенности; контроль за действием; рефлексивность; субъективная витальность (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова, О. Е. Дергачева; Т. О. Гордеева; А. И. Гусев; И. А. Васильев, О. В. Митина, С. А. Шапкин; А. Ж. Аверина; Л. А. Александрова, 2011).

В самые последние годы доктором психологических наук, кандидатом философских наук, профессором Института психологии РАН, Тимофеем Александровичем Нестиком было проведено масштабное исследование характеристик социальной жизнестойкости населения Российской Федерации. В частности изучалась динамика формирования и консолидирующая роль коллективного образа будущего (Т. А. Нестик, 2025). На основании полученных результатов автор приходит к выводу, что жизнестойкость человека и общества в условиях трудноконтролируемых природных и антропогенных угроз, — таких как пандемии, макроэкономические кризисы, геополитические конфликты и непредсказуемые последствия развития искусственного интеллекта, — зависит от способности людей вырабатывать образ желаемого будущего, поддерживать оптимизм и долгосрочную ориентацию. значимость коллективного будущего может возрастать и по другим причинам — через переживание угрозы существованию или ценностям своей группы. В таких условиях коллективная тревога может играть конструктивную роль, мобилизуя психологические ресурсы, но для этого она должна быть сопряжена с уверенностью в способности членов группы преодолеть трудности совместными усилиями, высоким доверием к социальным институтам и другим людям, а также сопереживанием. При низком социальном доверии и снижении субъективного контроля коллективная тревога запускает защитные психологические механизмы: гиперидентификация с группой и потребность

в простых ответах на сложные вопросы сдерживают групповую рефлексивность и социальное воображение, делая группу уязвимой к информационно-психологическим воздействиям, основанным на провоцировании страхов. Причем воспринимаемая угроза ценностям группы с большей вероятностью будет провоцировать эти эффекты, чем угроза военной или экономической. Собственно, отсюда и выводятся главные императивы и универсальные мишени — «точки приложения» активности научного и психотехнологического сообщества в отношении разворота социальной динамики по вектору «правильных» реакций, обеспечивающих устойчивость к агрессивному информационному воздействию.

Далее, сосредоточимся на исследовательских проектах и полученных здесь функциональных (технологических, инструментальных, институциональных) результатах, максимально сфокусированных на предметности деструктивных социальных и политических эпидемий, а также — ключевых характеристик оборонного сознания.

По результатам серии исследований, проведенных в период 2001—2012 гг., была разработана концепция качественных характеристик психического здоровья. Последние определяются как система определенных психических факторов (свойств, состояний и процессов), высокий уровень развития которых обеспечивает эффективную самоорганизацию, безопасность и устойчивое развитие человека в агрессивной среде (А. Л. Катков, 2015).

Данные масштабные исследования проводились с условием строгого соблюдения конкретных методологических требований. В частности, техническое задание исследовательских фрагментов было четко ориентировано на то, что собственно идентификационные характеристики качества индивидуального и социального психического здоровья должны были включать:

- возможность обозначения идентифицируемых факторов — психических свойств, процессов и состояний — с помощью известных терминов и определений;
- измеримость апробированными тестами и методиками;
- наличие статистически достоверной и явно выраженной отрицательной корреляции высоких уровней развития, положительной корреляции низких уровней развития идентифицированных свойств с доказанными рисками и фактами формирования адаптационных расстройств, рисками и фактами вовлечения в химическую и деструктивную психологическую зависимость; -наличие статистически достоверной и явно выраженной положительной корреляции высоких уровней развития, отрицательной корреляции низких уровней развития идентификационных свойств с высоким уровнями адаптации и условиями качества жизни;
- надежность полученных идентификационных характеристик, которая должна обеспечиваться тройным перекрытием и согласованностью результатов эпидемиологических, экспериментально-клинических и экспериментально-профилактических исследований;
- возможность эффективного влияния на выявленные характеристики в краткосрочной (недели, месяцы) и среднесрочной (1—5 лет) перспективах.

И далее, собственно технологические характеристики идентифицируемых свойств должны были предусматривать возможность:

- выстраивания адекватных индивидуальных мишеней с целью последующего профилактического, лечебного и реабилитационного воздействий; -выстраивания адекватных социальных мишеней с целью эффективного информационного воздействия первично-профилактического характера, в том числе с использованием каналов СМИ, интернета;
- разработки оптимальных, диагностических и скрининговых программ по определению эффективности соответствующего индивидуального и социального воздействия;
- разработки, на основании всего вышесказанного, инновационных технологий формирования высоких уровней индивидуальной и социальной устойчивости к агрессивному влиянию среды, в том числе — к вовлечению в деструктивные социальные и политические эпидемии;

— достижения, на основании всего вышеперечисленного, таких уровней индивидуальной и социальной самоорганизации, которые эффективно компенсируют издержки мутагенных цивилизационных факторов и обеспечивают устойчивое конструктивное развитие человека и общества.

Что же касается синтетических характеристик исследуемых параметров качества психического здоровья, то они должны были предусматривать: возможность выстраивания — на основании полученных результатов — целостной концепции качества психического здоровья; возможность формирования обновленных доктринальных и соответствующих институциональных подходов по системной и результативной работе с этим важнейшим компонентом интегрального здоровья на всех уровнях социальной активности.

Таким образом были идентифицированы следующие группы измеряемых качественных характеристик психического здоровья.

Психические свойства:

- полноценное завершение личностной идентификации;
- полноценно сформированные:
- конструктивный (идентификационный) жизненный сценарий;
- устойчивый мотивационный комплекс, направленный на реализацию конструктивного жизненного сценария;
- навык свободного и ответственного выбора;
- свойство внутреннего локуса контроля;
- потребность в эффективной самоорганизации;
- наличие специфических (помимо соответствующих возрасту знаний-умений-навыков) ресурсов, необходимых для реализации конструктивного жизненного сценария (Ресурсная комбинация выделяемых личностных статусов (РЛС) + Ресурсная метапозиция по отношению к основным агентам события (РМ) + Ресурсная коммуникация, внешняя и внутренняя (РК) + характеристики ассоциированного сверх-адаптивного интеллекта (АСИ) с набором гибких адаптивных стратегий, основанных на феномене темпоральной пластики психического);
- наличие адекватной информированности об агентах, агрессивных и деструктивных по отношению к основным (идентификационным) жизненным сценариям.

Следует иметь в виду, что основной механизм эффективной профилактики вовлечения субъекта в деструктивные социальные или политические эпидемии в первую очередь связан с организацией терапевтического конфликта между псевдо-дивидендами ДСЭ, ДПЭ — с одной стороны, и проработанными перспективами идентификационного жизненного сценария — с другой стороны. В ходе чего и образуется психологическая доминанта невосприимчивости субъекта к вредоносному информационному воздействию. Конструктивный жизненный сценарий, в свою очередь, подкрепляется высоким уровнем развития поименованных выше свойств, которые соотносятся по типу взаимодополнения, взаимообусловленности, взаимодействия.

Психические процессы.

В первую очередь речь здесь идет о процессе эффективной психологической адаптации человека, осуществляющего свой жизненный путь в агрессивной среде. Такого рода адаптивная активность, помимо прочего, включает общие и специальные процессы самоорганизации. Данные процессы имеют четкую функциональную направленность и выстраиваются на основе идентифицированных свойств-мишеней. В то же время, высокий уровень развития процессов самоорганизации способствует ускоренному формированию первичного и устойчивого ресурсного состояния у субъекта, существенно повышает его адаптивные кондиции, качество жизни и — что особенно важно — устойчивость к вовлечению в ДСЭ и ДПЭ.

Общий процесс эффективной самоорганизации

Данный «большой» процесс-мишень определяется как осмысленная, многосторонняя адаптивная активность субъекта, осуществляемая с использованием внутренних (идентифицированные психические свойства и состояния) и внешних (конструктивное взаимодействие с агентами со-бытия) ресурсов; позволяющая находить оптимальное решение возникающих проблемных ситуаций и, в итоге, способствующая успешной реализации конструктивных жизненных сценариев.

Специальные процессы самоорганизации

Данные специфические процессы самоорганизации имеют особое значение в психотерапии, консультировании, иных помогающих и развивающих психотехнологиях. Дефицитарность такого рода адаптивной активности, так или иначе, прослеживается в актуальной проблематике, предъявляемой клиентами, а их коррекция является важной функциональной задачей помогающих и развивающих психотехнологий.

При этом речь идет о следующих специальных процессах самоорганизации:

— *управление проблемной ситуацией с использованием технологии ресурсного серфинга* (используется рабочий алгоритм эффективной самопсихотерапии со встроенным компонентом модифицированного варианта проблемно-ориентированного консультирования или психотерапии);

— *управление стрессом* (основной акцент здесь делается на технологиях эффективного блокирования первичной и отсроченной реакции на стресс, а также на форсированное развитие механизмов стрессоустойчивости);

— *управление конфликтом* (основной акцент делается на формирование такой стратегии прохождения конфликта, в которой выигрывают все вовлеченные стороны);

— *управление здоровьем* (акцент на оперативную и долговременную мобилизацию саногенного потенциала);

— *развитие специальных навыков по эффективной саморегуляции* — концентрации, мобилизации, диссоциации-осознанности, интуиции, оно-техника (как механизм обретения целостности с супер-ресурсными инстанциями психического);

— *управление жизнью* (проработка механизмов эффективного планирования, мотивации, организации и контроля по отношению к основным жизненным циклам).

Психические состояния.

Ресурсные психические состояния — как результирующие качественные характеристики индивидуального психического здоровья — соотносятся с идентифицированными психическими свойствами и процессами по тому же системному принципу взаимодополнения, взаимообусловленности взаимодействия. При этом выделяются следующие функциональные типы ресурсных состояний, имеющие значения в психотехнологической практике (в качестве выделяемых актуальных и универсальных мишеней).

Первичное ресурсное состояние: определяется как переживаемое субъектом состояние оперативной психологической мобилизации, особого эмоционального подъема в проблемной или кризисной ситуации, способствующее ускоренной генерации эффективных решений и энергичному продвижению в направлении реализации найденного таким образом адаптивного сценария разрешения данной ситуации.

Первичное ресурсное состояние характеризуется:

— наличием базисной установки, соответствующего самоощущения и самовосприятия в духе того, что: «перед лицом любой проблемной ситуации я чувствую себя достаточно уверенно, так как знаю, что приемлемое решение есть — его нужно только найти; и мне известно как это сделать наилучшим образом»;

- наличием особого эмоционального подъема в кризисной ситуации, когда субъект сосредоточен на поиске нового решения и переживании перспективы возможных дивидендов от его реализации (а не на отрицательных последствиях кризиса);

- наличием проработанного личностного статуса «Я-ресурсный»;

- наличием навыков эффективного решения проблемных ситуаций с использованием технологии ресурсного серфинга (форсированной актуализации ресурсного личностного статуса с последующим использованием базисного алгоритма проблемно-ориентированного психотехнологического подхода);

- отсутствием признаков, характеризующих состояние деморализации в проблемной или кризисной ситуации.

Устойчивое ресурсное состояние: определяется как базисное психологическое благополучие субъекта, основанное на высоком уровне развития ключевых психических свойств и процессов, и обеспечивающих соответствующий уровень адаптивных кондиций; а также — на позитивном опыте преодоления проблемных ситуаций или состояний за счет актуализации имеющегося ресурсного потенциала.

Устойчивое ресурсное состояние характеризуется:

- наличием базисной стратегической установки и соответствующего самоощущения, и самовосприятия в духе следующего тезиса: «По большому счету у меня все хорошо; и это постоянное чувство глубинного благополучия помогает мне сравнительно легко справляться с возникающими трудностями»;

- чувством почти постоянного эмоционального комфорта, перемежающегося с аффектом мобилизации при возникновении сложных ситуаций;

- наличием базисной уверенности в себе и своих способностях успешно преодолевать любые жизненные трудности;

- наличием высоких, объективно фиксируемых показателей качества жизни и социального функционирования;

- отсутствием каких-либо стойких проявлений состояния деморализации (по Дж. Франку).

Важнейшим обстоятельством в данном случае является принадлежность идентифицированных психических свойств, процессов и состояний к категории зависимых переменных — то есть факторов, на которые можно эффективно воздействовать (в отличие, например, от независимых переменных — факторов национальности, возраста, наследственной отягощенности и проч., которые изменить невозможно), добиваясь искомой терапевтической динамики и планируемых итоговых результатов. Другим важным обстоятельством является установленная в корректных исследованиях четкая взаимозависимость рисков вовлечения в ДСЭ всех типов от уровней развития поименованных психических свойств, процессов, состояний: при высоких уровнях развития риски первичного, либо повторного (после прохождения соответствующих психокоррекционных программ) вовлечения в деструктивные социальный эпидемии существенно снижаются, и наоборот. Наконец, третьим важным итогом комплекса проведенных исследований явился разработанный инновационный кластер психотехнологий, адаптированных под задачу обеспечения форсированного развития поименованных свойств, процессов, состояний в ограниченные периоды времени. А также — кластера диагностических технологий по определению уровней индивидуальной устойчивости к вовлечению в ДСЭ всех типов.

Весьма актуальными — с учетом ситуации последних лет — представляются исследования доктора медицинских наук, доктора и профессора научной психотерапии МАНП Андрея Борисовича Стрельченко о психологической устойчивости специалистов, профессиональная деятельность которых проходит в экстремальных условиях, в частности в условиях боевого стресса. При этом внимание обращается не только на собственно психологические корреляты высоких уровней устойчивости к боевому стрессу, но и на нейродинамические механизмы,

обеспечивающие профессиональную надежность лиц, действующих в ситуации супер-стресса. На основании значительного массива полученных в соответствующих условиях данных А. Б. Стрельченко разработал целостную концепцию специализированной системы психофизиологического обеспечения, в существенной части применимую и для населения, оказавшегося в зоне повышенного риска (А. Б. Стрельченко, 2023).

И далее, в продолжении логики проведенного масштабного исследования, Андреем Борисовичем Стрельченко была разработана научная концепция и комплексная психотерапевтическая программа «Психотерапия здоровых», основанные на новаторском саногенном подходе. Данный подход обосновывает возможность форсированного развития качественных характеристик психологического и физического здоровья, высоких уровней стрессоустойчивости у человека, группы и общества в целом, в неблагоприятных условиях агрессивного воздействия среды (А. Б. Стрельченко, 2024).

1.2.4. Проблемные области и научные достижения в секторе наук о психике технологического и инструментального уровня

В настоящее время, согласно предварительной инвентаризации из доступных информационных источников, можно говорить об использовании примерно 12 тысяч более или менее структурированных психотехнологий, существенная часть которых не заявляется в качестве таковых и не регулируется культурными, этическими и профессиональными ограничениями. В то время как «дикий» рынок психотехнологий является основным механизмом распространения крайне опасного явления ДСЭ всех типов.

Следовательно, существует острая необходимость в разработке научной методологии анализа и регуляции психотехнологической деятельности по всем возможным номинациям: собственно исследовательской, образовательной, практической, организационной, экспертной, нормотворческой. И далее, на передний план выступает проблематика оперативного и масштабного внедрения достигнутых здесь существенных результатов. Что, собственно и предусматривается универсальным алгоритмом генерации наукоемкого, инновационного продукта с возможностью масштабного внедрения и отслеживания эффективности его использования.

Вышеприведенная проблематика в существенной степени была проработана в ходе реализации Базисной научно-исследовательской программы «Комплексный анализ традиционных и современных психотехнологий (2020—2023 гг.)». Ниже представлены основные результаты реализации данной программы, а также наиболее существенные достижения последних лет в рассматриваемой области психотехнологической деятельности.

1.2.4.1. Достижения в сфере систематики, классификации, обеспечения безопасности и эффективности психотехнологической деятельности

В ходе реализации Базисной НИП (2020—2023 гг.) была разработана рамочная концепция психотехнологической науки и практики, полностью отвечающая современной психотехнологической реальности и обосновывающая возможность конструктивных преобразований в данной важнейшей сфере. Что, по сути, обеспечило переход данного направления деятельности от эмпирической к теоретической стадии развития — базисного условия искомого разворота психотехнологического пространства по конструктивному вектору воздействия на качественные характеристики индивидуального и социального психического здоровья — устойчивости к вовлечению в ДСЭ все типов.

В частности, были детально проработаны следующие важнейшие позиции.

Границы определения психотехнологий

В узко-функциональном смысле, под «Психотехнологией» понимается профессионально оформляемое, структурированное поведение (действие, взаимодействие) специалиста, которое:

- предпринимается с целью определённых изменений психических кондиций у субъекта или группы;
- выстраивается в определённой последовательности, обусловленной логикой психотехнического процесса;
- закономерно приводит к достижению заявляемых целей;
- функциональная эффективность данных структурированных действий, как правило, обоснована и доказана в корректных исследовательских программах.

В более строгом, научном смысле, «Психотехнологии» — научно-практическое направление, разрабатывающее функциональные модели дифференцированной (алгоритмизированной) психической активности человека, группы, общества, прямо или косвенно направленные на достижение заявляемых прагматических целей.

В прагматическом смысле, «Психотехнологии» — это возможность идентификации и улучшения психотехнической составляющей любой формы организованной, целенаправленной активности человека, группы, общества за счёт: 1) дифференциации существенных компонентов целенаправленной психической активности; 2) исследования возможностей существенного улучшения каждого из выделяемых компонентов за счёт специальных манипуляций, процедур и более сложных агрегатов психотехнологической деятельности; 3) выведения, на основе полученного опыта, проработанного алгоритма конкретной психотехнологии.

Приведенные здесь дефиниции существенно облегчают решение собственно научных, но также и экспертных вопросов. Например, в отношении принадлежности какой-либо активно подаваемой информации или оформленного информационного продукта — к классу психотехнологий со всеми, выводимыми отсюда следствиями.

Разработанная рамочная концепция психотехнологической науки и практики (научно-практическое направление «Психотехнологии»), как состоятельной и самостоятельной научной специальности, включает следующие ключевые характеристики содержания предметной сферы, исследуемой в рамках данной специальности:

— *актуальная проблематика*, всегда присутствующая в поле современных психотехнологий: психологическая безопасность; психоэкология; психоэтика; искусственный интеллект — человек; виртуальная реальность — человек; возможные вредные последствия у человека, группы, общества в связи с использованием психотехнологий; адекватная, в том числе правовая оценка негативных последствий использования вредоносных психотехнологий;

— *особенности собственно технологического оформления* экспериментальных и используемых психотехнологий; определение специфики, включая краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные эффекты воздействия используемых психотехнологий на различные аспекты психической активности, адаптивные кондиции, качество жизни и социальные характеристики человека, группы, общества;

— *определение комплексной и сравнительной эффективности наиболее проработанных и состоятельных в содержательном плане психотехнологий*, таких как: консультирование (психологическое, социальное, бизнес-консультирование, консультирование без уточнения целеполагания и контактной группы); развивающие и адаптивные тренинги (психотерапевтические, психологические, социальные, тренинги без уточнений целеполагания и клиентской группы); коучинг; медиация, образовательные и воспитательные психотехнологии; психогиги-

ена; психопрофилактика; эффективная самоорганизация с использованием ресурсов психического; иные проработанные психотехнологии;

— *идентификация наиболее эффективных методологических и содержательных характеристик по главным профессиональным спецификациям психотехнологической деятельности*: профильная научно-исследовательская деятельность; специальное образование; практическая деятельность; организация; нормативное регулирование; экспертная деятельность.

НПН «Психотехнологии» как самостоятельная научная специальность в Российской Федерации признается пока что на уровне самоорганизованного научного сообщества (конкретно — международными общественными организациями «Международная академия научной психотерапии», «Международный ученый совет по психотерапии»). Однако, с учетом актуальности рассматриваемой проблематики существует высокая вероятность признания данной научной специальности на государственном уровне.

Далее, была разработана системная классификация современных — т.е. присутствующих и активно используемых в информационном пространстве — психотехнологий. Особенность настоящей классификации заключается в том, что структурные уровни представленных здесь психотехнологий выводятся на основании наиболее существенных признаков проработанной предметной сферы психотехнической традиции, науки и практики. Что, собственно, и характеризует разработанную классификацию как «эпистемологическую», а не только «онтологическую», сложившуюся в результате стихийного развития.

Несущая структура, содержание и общий идиоматический контекст, в котором реализуется функциональная активность дифференцированных уровней такого рода систематики, обеспечивают выполнение следующих требований, предъявляемых к состоятельной эпистемологической классификации: 1) полноценный охват предметной сферы рассматриваемого вида деятельности без каких-либо изъятий; 2) отсутствие методологических разрывов в классификационной (функциональной) карте охватываемого вида деятельности; 3) наличие существенных отличий у выделяемых уровней; 4) понятный механизм системного взаимодействия дифференцированных уровней; 5) перспективный вектор развития у каждого выделяемого уровня; 6) используется четкая, однозначная формулировка и прописанный функциональный смысл выделения определенного уровня или подуровня настоящей классификации.

Другой существенной особенностью подхода, используемого в разработке настоящей классификации, является приоритет культурно-исторического принципа структурирования психотехнологического пространства. Культурно-исторический принцип, соответственно, включает исторически сложившееся функциональное целеполагание рассматриваемых секторов психотехнологической активности, а также их дифференциацию по номинации ареалов первичных уровней адаптивной психотехнической практики:

- ареал архаических сакральных обрядов, обычаев, празднеств;
- ареал первородных гностических (магических) практик;
- ареал религиозных психотехнологий;
- ареал духовных практик и психотехнологий;
- ареал сложившихся социальных идиом и бытовой практики индивидуальной, групповой и социальной самоорганизации;
- ареал профессиональных психотехнологий, основанных на научных данных;
- ареал авангардных наукоемких психотехнологий, в том числе цифровых психотехнологий.

Далее, каждый из выделенных ареалов дифференцируется на соответствующие уровни, подуровни, классы, подклассы — на основании следующих системообразующих признаков: системы адаптивных координат; скрытых или явных эпистемологических допущений; профессиональной принадлежности;

научной принадлежности; функционального целеполагания; дифференцируемых мишеней (точек приложения); основных групп пользователей; основных групп исполнителей; специфики психосенсорной среды и психосенсорных сигналов; собственно психотехнической, узко понимаемой специфики (так называемая психотехническая «генетика»).

Наиболее приоритетным психотехнологическим сектором на ближайшую перспективу, с учетом всех обстоятельств, является ареал авангардных наукоемких психотехнологий (данные психотехнологии должны обеспечить искомый прорыв в сфере форсированного развития ресурсных характеристик индивидуального и социального психического здоровья, а также очевидный выигрыш в конкуренции с парапрофессиональным психотехнологическим сектором); специализированная группа экспертных психотехнологий, обеспечивающих эффективное управление качеством психотехнологической деятельности, с понятными перспективами.

Другими важнейшими концептами технологического уровня, имеющими непосредственное отношение к проблематике повышения эффективности и качества используемых помогающих и развивающих психотехнологий, являются: структура адаптивно-креативного цикла (с учетом важности для понимания механизмов как вовлечения, так и формирования устойчивости к вовлечению в ДСЭ всех типов, данная функциональная структура описывается более подробно); концепция психопластичности; модель трехуровневой психотехнологической коммуникации. Именно в такой последовательности мы и будем продвигаться в анализе следующих достижений рассматриваемого технологического уровня.

Функциональная структура (модель) адаптивно-креативного цикла

Под адаптивно-креативным циклом понимается структурированный — по определенным функциональным типам, этапам и фазам — процесс адаптации субъекта к каким-либо проблемным для него ситуациям, обстоятельствам, состояниям. При этом под проблемной ситуацией понимается такое стечение субъективно сложных для человека обстоятельств, для которых характерны: 1) особая значимость; 2) более или менее выраженный временной прессинг; отсутствие очевидно правильного решения; 4) наличие признаков адаптационного напряжения или «провала».

Обозначение каждого этапа и фазы адаптивно-креативного цикла, как, собственно, и самого этого концепта, отражает функциональную суть идентифицированных фрагментов адаптационной активности субъекта, но также и сущностную «подсказку» в отношении наиболее адекватного вектора конструктивной психотехнологической активности в каждый момент времени проведения соответствующего психотехнического процесса. То есть концепт адаптивно-креативного цикла, помимо прочего, выполняет еще и прагматическую задачу определения системы функционально понятных для специалиста-психотехнолога адаптивных координат гипотетического клиента, учет которых способствует существенному повышению эффективности психотехнологического процесса.

Адаптивно-креативный цикл, соответственно, представлен следующими этапами, фазами и вариантами их прохождения.

Этап адаптационной стабильности — напряжения.

Особенностью *конструктивного варианта* прохождения данного этапа является существенное сокращение длительности, а также минимальная выраженность признаков адаптационного напряжения и состояния деморализации на заключительных фазах прохождения данного этапа. В то же время для *кризисного варианта*, наоборот, характерны растягивание длительности или даже «застревание» субъекта на заключительных фазах рассматриваемого этапа и максимальная выраженность состояния деморализации. Антираесурсный статус деморализованного субъекта в этом случае объективно препятствует абсолютно необходимому

здесь креативному синтезу обновленной адаптивной стратегии. Отсюда понятно, почему для клиентов, пребывающих на данном этапе адаптивно-креативного цикла, синдром деморализации является основной мишенью для конструктивных психотехнологий.

Этап мобилизации креативно-пластических ресурсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.